

© 2016 г.

А.Г. ЭФЕНДИЕВ, Е.С. БАЛАБАНОВА, П.С. СОРОКИН

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ: ОПЫТ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ЭФЕНДИЕВ Азер Гамидович – доктор философских наук, директор Центра исследований социальной организации фирмы НИУ “Высшая школа экономики” (efendiev@hse.ru); БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна – доктор социологических наук, заместитель директора того же центра (balabanova@hse.ru); СОРОКИН Павел Сергеевич – кандидат социологических наук, научный сотрудник того же центра (psorokin@hse.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. Статья анализирует кризисные явления в отечественной социологии. Авторы связывают эти явления с отходом от принципов единства теории и эмпирии, от последовательного рационалистического объяснения социальных феноменов. Представлены результаты содержательно-библиометрического анализа 1829 статей ведущих отечественных и зарубежных социологических журналов. Их сопоставление позволило обнаружить существенные различия по таким параметрам, как структура научных публикаций, описание методологии эмпирических исследований, уровень статистического анализа данных.

Ключевые слова: российская социология • зарубежная социология • социологические журналы • идентичность социологии • профессиональная культура • методология исследования • количественные исследования • выборки

В данной статье мы обращаемся к идентичности социологии, к осмыслению типа научности, имманентно присущего социологическому познанию. Понимание социологического типа научности находит свое воплощение в анализе профессиональной культуры отечественных социологов, соответствия арсенала используемых ими исследовательских методов и инструментов общенаучным требованиям рационализма и доказательности.

Социологическая идентичность: основные признаки. Рождение социологии проходило в муках разрыва с научным дискурсом на основе умозрительно-философского осмысления действительности. Рост и признание социологии в классический и постклассический периоды её развития в значительной степени олицетворяли единство теории и эмпирии, которое всегда признавалось исходным методологическим принципом социологического типа научности. Мы согласны с утверждением П. Штомпки, что социальная теория – “это не отход в сторону схоластики и в царство чистых идей, уход от реальных социальных проблем и конкретных социальных фак-

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 14-08-00338 и Научного фонда НИУ ВШЭ в 2014 г., проект № 14-09-0205. Печатается с сокращениями. Полная версия в авторской редакции размещена на сайте журнала.

тов, отказ от эмпирических исследований” [Штомпка, 2001]. По нашему убеждению, социологическое познание имеет принципы, составляющие сердцевину его своеобразия и позволяющие сохранить тип научности, характерный для социологии: а) особое значение социального факта (эмпиризм), который может выступать в разнообразных формах, но фактуальная доказательность прямо или опосредованно является основным условием рассмотрения теоретико-гипотетических построений, моделей и конструкций; б) рационалистическая ориентация, которая понимается как доказательное и поэтому достоверное знание; в) фактуально-осязаемый операциональный язык социологии. Социология призвана использовать то, что может быть в конечном счете преобразовано в однозначно толкуемые индикаторы.

Эти принципы находятся в постоянном развитии. Теории, вырастающие из эмпирических исследований, называются “объяснительными” [Штомпка, 2001] и играют, по нашему мнению, решающую роль в развитии социологии как науки. Наряду с этой группой теорий возникают и теории аксиоматического характера, названные Штомпкой “эвристическими”, поскольку их “нельзя проверить непосредственно, но которые плодотворны, поскольку создают понятия, образы, модели” [Ядов, 2009: 132]. К числу последних следует отнести теорию социального действия Т. Парсонса, теоретические построения П. Бурдьё, Н. Лумана и ряда других авторов. В этих теориях уровень исследуемых явлений предполагает лишь аксиоматический характер утверждений, но при этом “аксиоматика не является чем-то незыблемым, раз и навсегда данным, тем более, если дисциплина продолжит развиваться” [Радаев, 2008: 7].

Кризис социологической идентичности и типа научности: западный и отечественный опыт. Череда социальных изменений конца XX в., бросивших новые вызовы социологической науке, породили процессы, которые явно или скрыто несут угрозу разрушения её идентичности. В первую очередь речь идет о деформации принципа единства теоретического и эмпирического как основы рационалистического понимания общественных процессов. На наш взгляд, это произошло в результате следующих процессов в мировой и отечественной социологии. Кризис 1960-х гг. показал серьезные ограничения структурного функционализма. Неомарксизм в лице представителей Франкфуртской школы подверг ревизии не только функционалистскую парадигму стабильности социальных систем, но и, к сожалению, сложившиеся принципы социологической научности с ее ориентацией на рационализм, эмпиризм, доказательность. Это породило, в особенности в европейской социологии, движение от рационалистически-доказательного к философско-предположительному, постмодернистскому типу социального знания, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В результате социологи нередко под видом анализа фундаментальных проблем все чаще умалчивают о принципе эмпиризма. “Постмодернисты, в отличие от приверженцев классических подходов, <...> не выстраивают целостной, логически связанной картины реальности, а, напротив, раскрывают ее множественность, нелинейности, спонтанные разрывы и парадоксальность <...> Исчезает потребность в универсальном метаязыке и критериях научности и истинности” [Зарубина, 2013: 186].

В отечественной социологии процессы, способствующие деформации идентичности социологии, происходили под влиянием прежде всего научно-организационных факторов. В 1990-е гг. небольшое число профессиональных социологов, сформировавшихся в более ранние годы и обладавших квалификацией в проведении масштабных эмпирических исследований, покинуло ряды академической и вузовской социологии, стало заниматься опросами общественного мнения, маркетинговыми исследованиями. В свою очередь, в социологию “мигрировало” большое количество специалистов в области марксизма-ленинизма и других социальных и гуманитарных наук. В этот период получило широкое распространение понимание социальной науки, по сути, как социальной философии – пренебрежение эмпиризмом, принципом идеологически нейтральной доказательности. Именно эти специалисты в значительной степени определяли содержание вузовского социологического образования в условиях резко

возросшей численности приема студентов и аспирантов для подготовки по этим специальностям.

Влияние таких тенденций оказало деформирующее воздействие на развитие отечественной социологии, обусловило проблемы профессионального развития социологов. Последние 20–25 лет существенно сказались на понимании и развитии социологического типа научности. Сформировались стандарты научного исследования и научной коммуникации, многие из которых требуют переосмысления, критического анализа с тем, чтобы преодолеть кризисные явления в развитии отечественной социологии, привести уровень доказательности и методологической проработанности исследований в соответствие с передовыми образцами мировой социологии.

Сравнительное содержательно-библиометрическое исследование научных статей отечественных и зарубежных социологических журналов: краткое описание методологии. Выявление проблемных зон в развитии отечественной социологии было выполнено нами методом сравнительного содержательно-библиометрического анализа статей в четырех ведущих социологических журналах: “Социологические исследования”, “Мир России”, “Экономическая социология”, “Журнал социологии и социальной антропологии” и статей из ведущих международных социологических журналов – *Annual Review of Sociology*, *American Sociological Review*, *American Journal of Sociology*. Мы сосредоточились на анализе именно журнальных публикаций, поскольку, по нашему убеждению, ведущие журналы являются не только основным средством научной коммуникации, но и – ввиду наличия процедуры “слепого” рецензирования, единых требований к структуре и научному уровню статей – наиболее адекватным отражением текущего состояния науки. За пределами нашего анализа остались монографии, сборники работ, материалы конференций и прочие виды научной продукции, которые по доступности широкой аудитории не могут соперничать с ведущими журналами, полнотекстовые версии которых доступны через Интернет. В отличие от монографической литературы или тематических сборников, ведущие журналы представляют широкий круг авторов, разнообразие теоретических, методологических, тематических подходов.

На анализе журнальных статей основаны мировые практики библиометрического анализа публикаций. Объектом такого анализа в свое время становились статьи СОЦИСа [Райкова, 1991; Дьяченко, 2013]. Чаще всего этому виду анализа подвергаются количество и структура цитирований, география авторского состава – информация, которую удобно собирать через *Web of Science* и *elibrary.ru* [Allik, 2012; Vogel, 2012; Винер, Дивисенко, 2012]. Значительно реже – ввиду трудоемкости и сложности формализации – выполняется содержательный анализ статей (*article survey*). Именно этот вид анализа мы попытались осуществить в рамках нашего исследования, ориентируясь на описанные в литературе принципы отбора статей и кодирования информации [Tsui et al., 2007; Cundiff, 2012].

Отбор зарубежных журналов для анализа проводился на основе Индекса цитируемости научных изданий за 5-летний период согласно базе данных *Web of Science* по состоянию на 2013 г.¹ Мы отобрали три журнала по общесоциологической тематике, занимающие верхние позиции рейтинга из 137 журналов в рубрике “Социология”. Лидерство указанных журналов в международном рейтинге цитирования дает основания рассматривать их как авангард социологии “мировой”.

Из 38 входящих в перечень ВАК российских журналов в рубрике “Социология” были отобраны 3 издания, занимающие верхние позиции по импакт-фактору РИНЦ² (“СОЦИС”, “Мир России” и “Экономическая социология”), а также “Журнал социологии

¹ <https://proxylibrary.hse.ru:4843/JCRJournalHomeAction.action>.

² <http://elibrary.ru/titles.asp> (дата обращения: 17.03.2014).

Таблица 1

Структура и основные характеристики выборки статей, N = 1829

Название журнала	Место в рейтинге цитирования за 2013 год, WoS	Значение импакт-фактора за 5 лет, WoS	Значение российского импакт-фактора, РИНЦ	Страна	Анализируемый период
Annual Review of Sociology	1	7,047	–	США	2009–2014
American Sociological Review	2	6,097	–	США	2009–2014
American Journal of Sociology	3	4,912	–	США	2011–2014
Социологические исследования	121	0,174	1,3	Россия	2010 – октябрь 2014
Мир России	–	–	1,2	Россия	2000–2014
Экономическая социология	–	–	0,8	Россия	2000–2014
Журнал социологии и социальной антропологии	–	–	0,4	Россия	2000–2014

и социальной антропологии” как ведущий журнал Санкт-Петербургской социологической школы. Общий размер нашей выборки составил 1829 статей (табл. 1)³.

Трудоемкость и сложность формализации процесса содержательного анализа публикаций привели к ограничениям числа отобранных журналов и задач такого анализа. В центре внимания был анализ структуры научных публикаций и методов эмпирических исследований, представленных в избранных журналах.

Единицей анализа в данной работе являлись лишь научные статьи. Не рассматривались статьи-рецензии, интервью, некрологи и т.д. Индикаторы – наличие эмпирического исследования, количество источников в списке литературы, объем статьи. Представленные эмпирические исследования разделялись на качественные и количественные. Далее статьи с использованием количественных методов классифицировались по характеру данных, выборкам и методам анализа данных. Приведенные ниже таблицы представляют результаты анализа, агрегированные по двум группам статей – в журналах-лидерах международного рейтинга и в четырех ведущих российских социологических журналах.

Проблема научного аппарата и структуры научной публикации. Структурные различия между зарубежными и отечественными публикациями наиболее ярко просматриваются на примере эмпирических статей. Зарубежные работы выстраиваются в жесткой последовательности: постановка проблемы → анализ теоретических подходов и результатов предыдущих исследований данной проблемы → подробное описание методов эмпирического исследования (выборка, организационные процедуры, индикаторы, методы анализа) → результаты анализа данных → обсуждение полученных результатов → ограничения своего анализа и направления для будущих исследований → общие выводы. Данная логика не только облегчает рецензирование статей и удобна для читателя, но и существенно углубляет авторское понимание и видение проблемы, нацеливает на решение в действительности еще не решенных научных проблем. Российские статьи далеко не всегда выдерживают такую последовательность, некоторых из перечисленных пунктов может не быть совсем.

Фундаментальными представляются различия в традиции работы над научным текстом в российской и зарубежной социологии. Обязательным требованием к статьям в ведущих международных журналах является обстоятельный анализ результатов предыдущих исследований по данной теме и убедительные доказательства новизны авторского подхода и полученных результатов. Российская социология, судя

³ Авторы выражают благодарность А. Антоновой и А. Миленину за техническую помощь в сборе данных.

Таблица 2

Медианное количество цитируемых источников по группам журналов, N = 1829

Группы журналов	Зарубежные
Зарубежные без эмпирического исследования ⁴	134
Зарубежные – качественные методы	86
Зарубежные – количественные методы	80*

по статьям в ведущих журналах, не выдвигает столь жестких требований. Даже у лидеров из российских изданий по количеству источников в расчете на статью – “Мир России” и “Экономическая социология” – этот показатель в 2–3 раза ниже, чем в проанализированных американских журналах (31 для “Мира России” и 38 для “Экономической социологии”).

Мы далеки от мысли, что количество цитированных источников должно быть самоцелью при написании статьи. Однако, по нашему убеждению, только тщательный критический анализ массива релевантных научных источников – как классических, так и современных – позволяет избежать умозрительности авторских концепций в теоретико-методологических работах, а для публикаций, основанных на конкретных исследованиях, – так называемого “ползучего эмпиризма”. Только в эмпирических работах может быть последовательно реализован один из краеугольных принципов науки – единство теоретического и эмпирического. С особой остротой (табл. 2) данная проблема проявляется в российских эмпирических статьях с использованием количественных методов, хотя есть примеры того, как эмпирические исследования логично связаны с анализом литературы проблем и противоречий и погружены в определенный теоретический дискурс [Бердышева, 2010; Ибрагимова, 2012; Кравченко, 2012; Зудина, 2013; Казун, 2013; Ярошенко, 2013; Русинова, Сафронов, 2014]. Хотелось, чтобы серьезный анализ литературы, предшествующий представлению результатов эмпирического исследования, стал единым требованием к статьям в российских журналах.

Обращают на себя внимание различия в объеме публикаций. 12% отечественных статей – это тексты объемом 0,5 п.л. и менее, представляющие собой, скорее, социологические этюды, чем изложение результатов научных исследований. Минимальный размер статей в анализируемых нами зарубежных журналах составил 1,3, а максимальный – 6,3 п.л. Ориентация на более объемные статьи характерна для “Мира России” и “Экономической социологии”. В зарубежных журналах коэффициент корреляции Пирсона между объемом текстов и количеством цитированных источников составил 0,101 (значимо на уровне $p < 0,05$), в отечественных – 0,595 (значимо при $p < 0,01$). Это позволяет утверждать, что при малом объеме статьи, как правило, “страдают” анализ литературы, методология эмпирического исследования.

Эмпирические исследования: проблемы анализа результатов и доказательности. Методология и методы исследований. Описание методологии – раздел, который в зарубежных журналах может занимать до трети объема статьи, что позволяет судить о ее научном уровне, возможности доверять результатам. Он обеспечивает реализацию общенаучного требования воспроизводимости результатов, возможности их проверки другими исследователями. Что же касается российских публикаций, для многих из них характерна “непрозрачность” исследовательских процедур, отсутствие

⁴ Индикатором “наличия эмпирического исследования” была непосредственная работа авторов статей с базами данных, выполнение на их основе самостоятельных расчетов. Поэтому к категории статей “без эмпирического исследования” были отнесены как чисто теоретические работы, так и статьи, использующие опубликованные статистические данные или результаты эмпирических исследований других авторов.

* Цифры по отечественным журналам – 21, 20, 11 – соответственно.

индикаторов и их обоснования; описание выборки, организации и методов исследования нередко уместается в 2–3 строках.

В целом соотношение “качественных” и “количественных” статей примерно одинаково в ведущих зарубежных и российских журналах. Однако российские журналы сильно различаются между собой предпочтениями статей по типу исследовательского дизайна. “СОЦИС”, как и ведущие международные журналы, тяготеет к количественным методам исследований. Половина эмпирических статей в “Экономической социологии” и “Журнале социологии и социальной антропологии” выполнены в “качественной” методологии. Обратим особое внимание на статьи, представляющие *“mixed methods”* – сочетание качественных и количественных методов в рамках одного исследования [Климова, Абрамов, 2010; Зборовский, Шуклина, 2013; Казун, 2013], доля которых в российских журналах вдвое ниже, чем в американских. По нашему мнению, именно соединение индуктивной и дедуктивной логик исследования позволяет обеспечить комплексный характер проектов, добиться “объемного”, более точного и полного понимания исследуемых феноменов.

Характер данных социологических исследований: от “мнений” к “фактам”?

Наш анализ показал наличие в мировой социологической науке тенденции к преодолению относительно субъективного характера информации, связанного с опросными методами. Около половины (46%) проанализированных зарубежных статей представляли результаты анализа данных неопросного. К ним относятся, например, более тысячи пресс-релизов и 50 тыс. газетных статей и транскриптов телепередач [Bail, 2012], письменно зафиксированных мнений судей за 35-летний период [Edelman et al., 2011], данные 300 тыс. интернет-аукционов [Diekmann et al., 2014], статистика межэтнических браков, протестных движений. Можно по-разному относиться к этой тенденции, однако налицо стремление лидеров мировой социологии оперировать “реальными” социальными фактами, а не только субъективными мнениями респондентов.

Типичный российский социолог – по-прежнему человек, проводящий опросы. Среди статей с данными “объективного” характера (12%) можно отметить анализ данных Росстата с серией опросов на предприятиях [Гимпельсон, 2010], сочетание опроса с количественным анализом медицинских карт [Исупова, Русанова, 2010], количественный анализ информации, полученной с интернет-сайтов клиник, в комбинации с углубленными интервью [Бердышева, 2010], анализ статистики об участниках протестных движений в социальных сетях [Ушкин, 2012], контент-анализ периодических изданий.

Данная особенность отечественной социологии носит во многом вынужденный характер. В России затруднен доступ к объективной информации: в одних случаях существуют прямые запреты, в других исследователь сталкивается с нежеланием обладателей данных их предоставлять. Отметим и проблему достоверности данных, например, полицейской, аграрной статистики, где по многим вопросам можно столкнуться с искажением реального положения дел.

Выборки эмпирических исследований. Изначально, при планировании количественного анализа статей, мы намеревались включить в анализ такой параметр, как объем выборок. К сожалению, пришлось на данном этапе от него отказаться ввиду трудностей формализации этого показателя. В зарубежных исследованиях это обусловлено сложной структурой данных (лонгитюдный характер исследований, комбинирование разных методов сбора данных), в российских – тем, что объем выборки нередко просто не указан. Поэтому мы разделили интересующий нас показатель на две категории, выделив аналог так называемых *“Big data”* – больших массивов данных, требующих особых методов хранения, обработки и анализа. В литературе отсутствуют четкие указания на то, с какого количества единиц массив данных относится к этой категории, поэтому для социологических исследований мы условно отнесли к ней массивы от 10 тыс. единиц наблюдения и более.

Такое деление имело целью показать водораздел между статьями в ведущих американских и российских журналах (табл. 3). В этом контексте термин “локальный”

Таблица 3

Характер выборок в эмпирических статьях с применением количественных методов, N = 825 (% по строке)

Группы журналов	Выборки локального характера	"Big data", масштабные выборки
Зарубежные	62	38
Российские	88	12

Примечание. Различия значимы на уровне $p < 0,001$.

Таблица 4

Уровень математических методов в эмпирических статьях с применением количественных методов, N = 825 (% по строке)

Группы журналов	Только дескриптивная статистика	Простейшие многомерные методы анализа	Продвинутые методы статистического анализа
Зарубежные	9	1	90
Российские	81	8	11

Примечание. Различия значимы на уровне $p < 0,001$.

не означает малого размера выборки или неграмотного ее построения. Примерно пятая часть российских статей, попавших в категорию "локальных", представляют исследования с использованием общероссийских выборок, построенных с соблюдением критериев репрезентативности и включающих более 1000 единиц наблюдения. Сравнительный анализ показал, что лидеры мировой социологии переключились на работу с большими массивами данных размером до 500 тыс. наблюдений [Lauen, Gaddis, 2013]. Почти половина проанализированных эмпирических статей представляли данные лонгитюдных исследований, репрезентативных в национальном или отраслевом масштабе за период до 60 лет, а также данные международных сравнительных исследований.

Из баз данных, с которыми работают российские социологи, к категории "Big data" могут быть отнесены *RLMS*, *World Value Survey*, *European Value Survey*, *European Social Survey* [Попова, Темницкий, 2011; Анкудинов, Беляева, Лебедев, 2013; Зудина, 2013] и масштабные выборки других исследований [Лапин, 2011; Анурин, 2013; Русинова, Сафронов, 2014]. Однако большинство авторов используют эти базы в ограниченном объеме. Часто заявляется о большом совокупном числе опрошенных, но анализ выполняется по относительно небольшому числу наблюдений. Что касается выборок "локального" характера, в зарубежных журналах их минимальный размер редко опускается ниже 300–400 единиц наблюдения; выборки меньшего размера присутствуют только в качественных исследованиях. В отечественных статьях встречаются выборки размером в 30–50 человек, к которым тем не менее применяются методы количественного анализа. Обоснованием служит отнесение опроса к категории "экспертного", однако часто не приводится описание процедуры отбора, обоснований отнесения выбранных респондентов к "экспертам".

Методы статистического анализа данных. Рассмотрение методов анализа данных показывает, что в зарубежных журналах практически обязательно требование наличия доказательных (в отличие от описательных) методов анализа. Почти все зарубежные "количественные" эмпирические статьи использовали "продвинутые" статистические методы анализа данных, к которым мы отнесли различные виды регрессионного анализа, моделирование структурными уравнениями, анализ данных с многоуровневой структурой и т.д. (табл. 4). В российских статьях налицо тяготение к

“описательности”. Резко выделяется долей статей с “продвинутыми” методами анализа “Экономическая социология” (57%), что объяснимо составом авторов с экономическим “бэкграундом”. В данном случае, на наш взгляд, социологическая наука сильно выигрывает от сближения с экономистами в плане проникновения традиций рационалистической доказательности, возможностей выхода на масштабные обобщения.

В целом по российской выборке 80% “количественных” эмпирических статей не выходят за пределы описательной статистики – простых процентных распределений и кросстабуляций. Реже представлен анализ средних значений, корреляций, дисперсионный анализ, статистической значимости выявленных различий. То есть процедуры, которые используются зарубежными авторами на этапе предварительного анализа, обычно являются для большинства российских авторов единственными и “конечными”, что подтверждает экспертные оценки о “методологическом архаизме”, низкой математизации отечественных социологических исследований [Татарова, 2006; 2014].

Еще одной особенностью российских статей является относительно более частое (по сравнению с американскими) использование многомерных методов поиска взаимосвязей и автоматической классификации данных – факторного и кластерного анализа [Вторушина, 2011; Климов, 2013; Рощина, Мартыненко, 2014]. Отметим, что факторный анализ используется и в ряде зарубежных статей, однако в основном как вспомогательный метод проверки валидности инструментария. Российские же авторы используют указанные методы в качестве основных, подтверждая общую тенденцию тяготения к “описательности”.

Дополнительный анализ российских статей показал наличие значимых связей между уровнем статистического анализа данных, с одной стороны, и объемом публикаций и количеством цитируемых источников – с другой (табл. 5). Многие статьи, представляющие “продвинутые” методы анализа данных, отличаются и серьезной работой с литературой [Ибрагимова, 2012; Кравченко, 2012; Анкудинов, Беляева, Лебедев, 2013]. На наш взгляд, это говорит о том, что качество работы над научной публикацией – явление комплексное, и подтверждает идею о необходимости повышения планки требований к статьям с точки зрения их теоретико-методологической обоснованности. В свою очередь, для реализации более высоких стандартов авторам необходимо и “поле” в виде большего объема статей. Остается сожалеть по поводу сохраняющейся традиции ограничения в 1 печатный лист, которая продолжает применяться к статьям в журналах, издаваемым Российской академией наук.

Итак, содержательно-библиометрический анализ 1829 статей в ведущих отечественных и зарубежных социологических журналах позволил обнаружить существенные различия сравниваемых групп статей по параметрам структуры научных публикаций, описания методологии эмпирических исследований, уровня статистического анализа данных.

Таблица 5

Объем публикаций и количество цитируемых источников в российских статьях с различным уровнем методов статистического анализа данных, N = 1351

Группы статей	Медианный объем статей, п.л. ***	Медианное количество источников ***
Нет количественного эмпирического исследования	1,0	21
Только дескриптивная статистика	0,8	10
Простейшие многомерные методы анализа	1,0	13
Продвинутые методы статистического анализа	1,5	27

Примечание. ***Различия значимы на уровне $p < 0,001$.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анкудинов А.Б., Беляева М.Н., Лебедев О.В. Удовлетворенность работой и ее детерминанты: результаты статистического моделирования на панельных данных // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 75–83.
- Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 135–146.
- Бердышева Е.С. Ценообразование в медицине как процесс социальной координации (экономико-социологический анализ на примере коммерческой стоматологии Москвы) // Мир России. 2010. Т. 19. № 3. С. 132–158.
- Винер Б.Е., Дивисенко К.С. Когнитивная структура современной российской социологии по данным журнальных ссылок // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 4. С. 144–166.
- Вторушина А.В. Региональные особенности становления общества потребления в России: анализ структуры питания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Том XIV. № 5.
- Гимпельсон В. Нужны ли нашей промышленности квалифицированные работники? История последнего десятилетия // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 4. С. 24–68.
- Дьяченко Е.Л. Интернационализация в науке: дисциплинарные различия // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 101–111.
- Зарубина Н.Н. О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1(28). С. 185–189.
- Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 80–91.
- Зудина А.А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 27–63.
- Ибрагимова Д.Х. Кто управляет деньгами в российских семьях? // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 3. С. 22–56.
- Исупова О.Г., Русанова Н.Е. Социальный портрет пациентов репродуктивной медицины // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 88–98.
- Казун А.П. Выбор юристов между выгодой и профессиональной ответственностью: развитие индивидуального уровня контроля // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 5. С. 104–143.
- Климов И.А. Российские рабочие в кризисе: потенциал субъектности и социального партнерства // Мир России. 2013. Т. 22. № 2. С. 83–106.
- Климова С.Г., Абрамов Р.Н. Современный работник: концептуализация и эмпирическая проверка понятия // Мир России. 2010. Т. 19. № 2. С. 98–117.
- Кравченко Ж.В. Мужчины в заботе о детях: сравнительный анализ России, Франции и Норвегии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Том XV. № 1.
- Лапин Н.И. Сверяем человеческие измерения модернизации (по результатам третьей волны Европейского социального исследования, 2006) // Мир России. 2011. Т. 20. № 2. С. 33–73.
- Попова И.П., Темницкий А.Л. Интеллектуально-профессиональный потенциал: к проблеме структурных изменений // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 56–67.
- Радаев В.В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 24–33.
- Райкова Д.Д. Социобиблиометрический анализ журнала “Социологические исследования” // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 74–81.
- Рощина Я.М., Мартыненко П.А. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 1. С. 20–42.
- Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Значение социального капитала для здоровья в странах Европы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Том XVII. № 3.
- Татарова Г.Г. Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 72–84.
- Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3–12.
- Ушкин С.Г. Новая виртуальная оппозиция: кто она? // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 86–90.
- Штопка П. Теоретическая социология и социологическое воображение // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 148–158.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Ярошенко С.С. “Женская работа” и личное благополучие: технологии исключения в постсоветской России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 5. С. 23–58.
- Allik J. Bibliometric Analysis of the *Journal of Cross-Cultural Psychology* During the First Ten Years of the New Millennium // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 44. № 4. P. 657–667.

- Bail C.A. The Fringe Effect: Civil Society Organizations and the Evolution of Media Discourse about Islam since the September 11th Attacks // *American Sociological Review*. 2012. Vol. 77. № 6. P. 855–879.
- Cundiff J.L. Is Mainstream Psychological Research “Womanless” and “Raceless”? An Updated Analysis // *Sex Roles*. 2012. Vol. 67. № 3–4. P. 158–173.
- Diekmann A., Jann B., Przepiorka W., Wehrli S. Reputation Formation and the Evolution of Cooperation in Anonymous Online Markets // *American Sociological Review*. 2014. Vol. 79. № 1. P. 65–85.
- Edelman L.B., Krieger L.H., Eliason S.R., Albiston C.R., Mellema V. When Organizations Rule: Judicial Deference to Institutionalized Employment Structures // *American Journal of Sociology*. 2011. Vol. 117. № 3. P. 888–954.
- Lauen D.L., Gaddis S.M. Exposure to Classroom Poverty and Test Score Achievement: Contextual Effects or Selection? // *American Journal of Sociology*. 2013. Vol. 118. № 4. P. 943–979.
- Tsui A.S., Nifadkar S.S., Ou A.Y. Cross-National, Cross-Cultural Organizational Behavior Research: Advances, Gaps, and Recommendations // *Journal of Management*. 2007. Vol. 33. № 3. P. 426–478.
- Vogel R. The Visible Colleges of Management and Organization Studies: A Bibliometric Analysis of Academic Journals // *Organization Studies*. 2012. Vol. 33. № 8. P. 1015–1043.

© 2016 г.

М.Н. МИХАЛЕВА

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНОГО ЛИДЕРСТВА

МИХАЛЕВА Мария Николаевна – научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия (mikhaleva.mn@gmail.com).

Аннотация. Предпринята попытка обосновать показатели результативности научной деятельности. Описан подход к оценке эффективности научной деятельности ученых, научных организаций, регионов и стран. Сделано предположение о том, что определяющим уровень эффективности науки является качественное и количественное состояние слоя её лидеров. С использованием принципа Парето и данных о цитируемости проведены предварительные оценочные расчеты численности российских научных лидеров; показано, что таковых в настоящее время значительно меньше, чем можно было бы ожидать. Предложены некоторые меры государственной политики для преодоления данной ситуации.

Ключевые слова: российская наука • молодые ученые • эффективность науки • принцип Парето • цитируемость публикаций • научные лидеры • воспроизводство научных кадров

Показатели результативности научной деятельности. Налаживание оценки качества и объема “научной продукции”, т.е. оценки эффективности науки – важная часть процесса модернизации сектора фундаментальных исследований. Прикладные исследования, заканчивающиеся конкретной разработкой, оценить проще. Оценка эффективности фундаментальной науки представляет собой серьезную проблему. Научный расчет эффективности деятельности важен как отдельных исследователей, так и учреждений, организаций, регионов и стран, для управления наукой.